

друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» // А. А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб., 2013. С. 96–100. Далее сокращенно: *ФетСб(2)*.

³ *РГ*. С. 78–79.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 496–499 об. См. об этом: *Кузьмина И. А.* Еще раз о том, почему Афанасий Шеншин стал Афанасием Фетом // *ФетСб(2)*. С. 177.

⁵ *Черногубов Н.* Происхождение А. А. Фета // *Русский архив*. 1900. № 8. С. 523.

⁶ Там же. С. 523–524.

⁷ Там же. С. 524.

⁸ Там же.

⁹ *Кузьмина И.* Еще раз о происхождении А. Фета // *Русская словесность*. 2020. № 2. С. 19.

¹⁰ Эти сведения содержались в не дошедшем до нас письме от 7 ноября 1823 г. Е. П. Шеншиной к брату Эрнсту Беккеру. См.: *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 280.

¹¹ Там же. С. 281. Письмо от 18–22 марта 1826 г.

¹² Там же.

¹³ *РГ*. С. 81.

¹⁴ Там же.

А. Г. Гродецкая

«...Невинно, как сказка о Красной Шапочке»

(О несостоявшейся Тургеневской речи Толстого)

16 сентября 1883 года в Обществе любителей российской словесности в Москве было принято решение почтить торжественным заседанием память ушедшего из жизни Тургенева.¹ Председатель Общества С. А. Юрьев обратился к его близким друзьям Я. П. Полонскому, П. В. Анненкову и Л. Н. Толстому с просьбой на этом заседании выступить. В начале

октября сообщения о готовящемся выступлении Толстого появились в газетах, и С. А. Толстая сообщала Т. А. Кузминской: «23 октября Левочка будет публично читать о Тургеневе, это теперь уже волнует всю Москву, и будет толпа страшная в актовом зале университета». ² Выступление Толстого не могло не волновать и власти. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов писал Д. А. Толстому, министру внутренних дел: «Л. Н. Толстой — человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи — и скандал будет значительный». ³ Московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков распорядился объявить заседание «под благовидным предлогом отложенным на неопределенное время». ⁴

Выступление не состоялось, и 24 октября, на следующий день после объявленной даты, С. А. Толстая снова писала сестре: «Чтение в память Тургенева запретили из вашего противного Петербурга. Говорят, что это министр Толстой запретил; ну, да что от него может быть, как не бестактные, неловкие выходки. Представь себе, что это чтение должно было быть самое невинное, самое мирное; никто не только не думал о том, чтобы выстрелить какой-нибудь либеральной выходкой, — но даже все страшно удивились, что же могло быть сказано? Где могла бы быть противоправительственная опасность? Теперь, конечно, все могут предположить. Публика взволнована, подозревают чуть ли не целый замысел целой революционной выходки. / Левочка говорил, что ему *писать* речь некогда, но что он будет говорить, и то, *что* он хотел сказать, так же невинно, как сказка о Красной Шапочке. / Но мне и всей Москве было ужасно досадно. Озлоблены все, все без исключения, кроме Левочки, который, кажет-

ся, даже рад, что избавлен явиться к публике: это ему так непривычно».⁵ Об удивившем Толстого запрете его речи Софья Андреевна вновь вспомнила и много позднее, в 1913 году, накануне тридцатилетия со дня смерти Тургенева, в беседе с корреспондентом «Русского слова» Б.П. Брио, передав слова Толстого: «Почему не разрешили? То, что я предполагал говорить о дорогом мне Иване Сергеевиче, было так же невинно, как Красная Шапочка...».⁶

Несостоявшуюся Тургеневскую речь (или лекцию, или публичное чтение) можно признать явлением уникальным в биографии Толстого, зная о его последовательной позиции устранения от участия в каких бы то ни было публичных торжествах и чествованиях. Известно, что в 1880 году Толстой не принял участия в Пушкинских торжествах и позднее, возражая против церемоний по поводу собственного 80-летия в открытом письме «В редакции газет», свое нежелание объяснял так: «...я никогда не смотрел на такого рода чествования с сочувствием; мне казалось, что выражение сочувствия и любви к деятельности человека может выразиться никак не внешним образом, а близким соединением чувствами и мыслями с тем, к кому относятся эти мысли и чувства. Вспоминаю, как давно уже, лет около тридцати тому назад, во время чествования Пушкина и поставления ему памятника, милый Тургенев заехал ко мне, прося меня ехать с ним на этот праздник. Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался; я знал, что огорчал Тургенева, но не мог сделать иначе, потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и, не скажу ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям».⁷ Не участвовал Толстой в январе

1889 года и в праздновании 50-летия литературной деятельности Фета (на юбилее присутствовала только Софья Андреевна), записав в дневнике 14 января, незадолго до юбилейной даты: «...жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно!» (50; 23).

Разумеется, одно дело — чествование живых и совсем иное — поминальное слово о только что ушедшем из жизни (22 августа (3 сентября) 1883 года), долго и тяжело болевшем, мучительно умиравшем современнике и друге.

Для выступления с речью о Тургеневе у Толстого, судя по всему, были особые причины. За его решением стоит вся сложная история их взаимоотношений, ссора в имении Фета Степановке 27 мая 1861 года, чуть не кончившаяся дуэлью, прервавшая общение и переписку на 17 лет, после чего Тургенев писал Фету: «Нам следует жить, как будто мы существуем на различных планетах или в различных столетиях»,⁸ и возобновление отношений в 1878 году после письма Толстого с просьбой о примирении. По свидетельству П. В. Анненкова, об этом письме Тургенев помнил до последнего дня «как о трогательнейшем сердечном вопле человека, призывающего старые, простые, дружеские связи и сношения».⁹

Смерть Тургенева Толстой переживал тяжело, и надо признать, она стала причиной кардинального переосмысления многих его сложившихся и не раз ранее высказанных суждений и о личности Тургенева, и о его творчестве.

24–25 августа 1883 года, когда еще не дошло до Ясной Поляны известие о смерти Тургенева, гостивший там Г. А. Русанов записал слова Толстого: «Тургенев — хороший человек, огромный ум, гуманный...». И еще: «О Тургеневе сохранится память, похожая на ту, какую

оставил по себе Жуковский».¹⁰ После смерти Тургенева его значение для русской культуры Толстой будет определять иначе, подчеркнув в известном письме к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 года, что «после его смерти только оценил его, как следует» (63; 149). Получив известие о его кончине, он писал Страхову 2 сентября 1883 года: «Смерть Тургенева я ожидал, а все-таки очень часто думаю о нем теперь» (63; 138). «Вы пишете, что Вам думается о нем, — отвечал Страхов 16 сентября, — конечно, Вы понимаете его и его смерть лучше, чем кто-нибудь».¹¹ И позднее в переписке Толстого и Страхова, работавшего над статьей о Тургеневе, продолжатся размышления и о его личной судьбе, и о его исторической роли.

В сентябре-октябре 1883 года Толстой, готовясь к лекции в ОЛРС, перечитывает «всего Тургенева», об этом сохранилось свидетельство Ильи Львовича: «В 1883 году папá получил от Ивана Сергеевича его последнее, предсмертное письмо, написанное карандашом, и я помню, с каким волнением он его читал. А когда пришло известие о его кончине, папá несколько дней только об этом и говорил <...> когда вся наша семья переехала на зиму в Москву, отец остался в Ясной Поляне один <...> и начал усиленно перечитывать всего Тургенева».¹² О чтении «всего Тургенева» сохранилось несколько признаний Толстого в письмах жене от сентября-октября 1883 года из Ясной Поляны в Москву. Так, 30 сентября он писал ей: «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно или буду читать, или напишу и дам прочесть о нем. Скажи так Юрьеву...». И ниже: «...я в хорошем духе, и всех люблю <...>. Сейчас читал Тургеневское “Довольно”. Прочти, что за прелесть». Через день, 1 октября: «Вчера очень долго не мог заснуть —

читал Тургенева», и 4 октября: «...читаю Тургенева» (83; 397, 399, 402).

Осенью 1883 года Толстой читал имевшееся в яснополянской библиотеке последнее прижизненное 10-томное Собрание сочинений Тургенева (издание 1880 года), оставив на полях значительное количество помет. Анализу этих толстовских маргиналий посвящена большая работа Т.Н. Архангельской, где она, в частности, отметила обилие толстовских отчеркиваний на полях текста «Довольно».¹³

И все же вопрос остается — почему решается Толстой на «непривычное» для него, по словам С. А. Толстой, публичное выступление с обобщающей оценкой тургеневского творчества?

История биографических и творческих контактов Толстого и Тургенева подробно документирована и изучена, достаточно глубоко исследованы и причины их идейно-эстетических сближений и расхождений. Можно назвать десятки имен, начиная с Н.Н. Страхова, Д.С. Мережковского, Ю.И. Айхенвальда, М.П. Неведомского, М.В. Португалова, Н.Н. Апостолова, многочисленные классические биографические работы и работы, специально посвященные этой проблеме (Г.Б. Курляндской, Н.П. Лощинина, Л.Д. Громовой-Опульской и другие).¹⁴ Вместе с тем восприятие Толстым литературной позиции, художественных принципов, поэтики старшего современника остается, пожалуй, перспективной проблемой для изучения, особенно если учитывать «последовательную непоследовательность»¹⁵ его суждений и литературных предпочтений и специфику самих толстовских критериев оценки литературных текстов, выходящих, как правило, за грань эстетики — в область психологии, морали, общего жизненного и творческого целеполагания.

Краткие отзывы Толстого о тургеневских произведениях в Дневнике и более пространные в переписке, записях собеседников и мемуаристов отмечены характерной для него резкой субъективностью, пристрастностью, полемичностью.

Высоко ценя талант Тургенева, Толстой видел в нем представителя иного, нежели он, литературного поколения, литератора «старой» школы, литератора-профессионала, в его текстах искал и находил элементы литературной условности, сюжетные и персонажные стереотипы, шаблонные изобразительные приемы, сам же он шел к литературе, по известной формуле Б. М. Эйхенбаума, «так, как будто ее еще никогда не было».¹⁶ Новый художественный язык Толстого формировался через «сопротивление тургеневскому роману».¹⁷ При всей полемичности толстовских оценок тургеневской прозы (хорошо известных), предшествовавших 1883 году, в них есть своя логика. Так, Толстой очевидно предпочитал тургеневскую «малую прозу» его романам (романы Тургенева, как свидетельствовал С. А. Толстой, «отец ставил ниже его рассказов»), в последней неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», повести «Затишье», «Первая любовь», «Фауст», статью «Гамлет и Дон-Кихот» и лирическую исповедь «Довольно».¹⁸

Возвращаясь к событиям осени 1883 года, стоит вспомнить известные слова из предсмертного тургеневского письма Толстому от 29 июня (11 июля): «Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником — и чтобы выразить Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда всё другое. <...> Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите

моей просьбе. Дайте мне знать, если Вы получите эту бумажку, и позвольте еще раз крепко-крепко обнять Вас, Вашу жену, всех Ваших. Не могу больше, устал».¹⁹ И предшествующее письмо, написанное тяжело больным Тургеневым, содержало тот же призыв: он писал Толстому 14 (26) мая 1882 года, сообщая о ходе своей болезни: «...моя песенка уже спета; вот Вам надо еще долго жить — и не только для того, что жизнь все-таки дело хорошее — а для того, чтобы окончить то дело, к которому вы призваны — и на которое, кроме вас, у нас мастера нет».²⁰

Исследователи Толстого не раз задавались вопросом, почему он не ответил на последнее тургеневское письмо. На призыв Тургенева «вернуться к литературной деятельности» Толстой отвечал неоднократно. Видевший в литературной деятельности и призвание, и профессию, и общественно-гражданский долг, всегда признававший первенство Толстого среди современных литераторов, Тургенев свой обращенный к нему призыв оставить ради литературы иные занятия — военную службу, хозяйственную деятельность, педагогику и прочие «чуждачества» вплоть до богословия и религиозной проповеди, повторял из письма в письмо на протяжении всей переписки с Толстым, начиная с первого письма от 3 октября 1855 года, написанного по прочтении посвященного ему рассказа «Рубка леса». «Вы достаточно доказали, что Вы не трус, — писал Тургенев, — а военная карьера все-таки не Ваша. Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова» (*ЛССиП(2), Письма 3; 63*). Хорошо известно признание Толстого в письме к В. П. Боткину от 21 октября–1 ноября 1857 года: «Слава Богу, я не послушал Тургенева, который доказывал мне, что литератор должен быть только литератор. Это было не в моей натуре.

<...> *Наша* литература, т.е. поэзия, есть, если не противузаконное, то ненормальное явление <...>, и поэтому построить на нем всю жизнь — противузаконно» (60; 234). Тургенев в письме к Толстому от 17 (29) января 1858 года пояснял свою мысль: «Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти “измы”), — а дилетантом быть — значит быть бессильным. До сих пор в том, что Вы делали — всё еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком» (*ПССиП(2), Письма 3; 291*). И вновь тот же призыв звучал в письме от 14 (26) марта 1861 года: «В особенности меня порадовало известие, что Вы возвращаетесь к искусству: каждый человек так создан, что ему одно дело приходится делать; специальность есть признак всякого живого организма, — а Ваша специальность все-таки искусство...» (*ПССиП(2), Письма 4; 307*).

Молодой Толстой «охвачен пафосом открытия общих “моральных истин” и усовершенствования человеческой жизни», идеями «перестройки мира»,²¹ литературная деятельность представлялась ему не только недостаточной, но и противоестественной и «противузаконной». Характерна его запись в Записной книжке от 31 июля 1856 года: «Тургенев ничем не хочет заниматься под предлогом, что художник неспособен. — Нет человека, который бы мог обойти матерьяльную сторону жизни, а у нас она — мужики, так же как англичанину банк» (47; 189–190). Свои взгляды, не высказанные открыто в письмах к Тургеневу, Толстой в резкой форме изложил в письме к Б. Н. Чичерину от 1 марта 1860 года, призывавшему его, как и Тургенев, целиком посвятить себя литературе: «...по моему убеждению, в наши года

и с нашими средствами, шлянье вне дома или писанье повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно. В наши года, когда уж не одним путем мысли, а всем существом, всей жизнью дошел до сознания бесполезности и невозможности отыскивания наслажденья, когда почувствуешь, что то, что казалось мукой, сделалось единственной сущностью жизни — труд, работа, тогда неуместны и невозможны искания, тоски, недовольства собой, сожаленья и т.п. атрибуты молодости, не скажу нужно работать, а нельзя не работать <...>. Кто пахать землю, кто учить молодежь быть честной и т.д. Самообольщение же так называемых художников <...> есть мерзейшая подлость и ложь. Всю жизнь ничего не делать и эксплуатировать труд и лучшие блага чужие, за то, чтобы потом воспроизвести их — скверно, ничтожно, может быть, есть уродство и пакость, которой я слишком много видел вокруг себя мерзких примеров...» (60; 327).

Настойчивая назидательность Тургенева стала одной из причин возраставшей от встречи к встрече конфликтности в их отношениях, разрешившейся ссорой в Степановке. Т. А. Сухотина-Толстая вспоминала: «Как часто я себя спрашивала <...>, какая могла быть причина частых ссор отца с Тургеневым? / О литературном соревновании, мне кажется, не могло быть и речи. Тургенев с первых шагов моего отца на литературном поприще признал за ним огромный талант и никогда не думал соперничать с ним. <...> Мне кажется, что Тургенев, как художник, видел в моем отце только его огромный литературный талант и не хотел признавать за ним никакого *права* быть чем-либо другим, кроме как художником-литератором. Всякая другая деятельность отца точно обижала Тургенева, — и он сердился на отца за то, что отец не слушался его

советов и не отдавался исключительно одной литературной деятельности. Он был много старше отца, не побоялся считать себя по таланту ниже его, и только одного от него требовал: чтобы отец положил все силы своей жизни на художественную деятельность. / А отец знать не хотел его великодушия и смирения, не слушался его, а шел той дорогой, на которую указывали ему его духовные потребности. Вкусы же и характер самого Тургенева были совершенной противоположностью характеру отца. Насколько борьба вообще воодушевляла отца и придавала ему сил, — настолько она была несвойственна Тургеневу».²²

Нелегко представить, что к 1859 году, по истечении всего четырех лет знакомства (в ноябре 1855-го), и Тургенев, и Толстой отчетливо сознавали, что они, по словам Тургенева, «созданы противоположными полюсами» (письмо Боткину от 12 (24) апреля 1859 года), что в них «слишком различны стихии», что они «из разной глины слеплены» (Фету от 16 (28) июля и от 9 (21) октября), «созданы совершенно антиподами» (М. Н. Толстой от 7 (19) ноября — *ПССиП*(2), *Письма* 4; 38, 67–68, 92, 106). Толстой после встречи с Тургеневым писал Дружинину в том же 1859 году, 9 октября: «...в нынешний его проезд я окончательно убедился, что он и умный, и даровитый человек, но один из самых несноснейших в мире» (60; 308–309).

С этим убеждением Толстой читал и опубликованное в «Современнике» (1859. № 1) «Дворянское гнездо», не удостоив его отдельного отзыва и лишь отметив в письме к Фету от 23 февраля 1860 года, что «“Накануне” много лучше “Дворянского гнезда”» (60; 325), и напечатанный год спустя в «Русском вестнике» (1860. № 1) роман «Накануне», о котором в том же письме Фету (много раз цитированном) высказался достаточно под-

робно: «Прочел я “Накануне”. Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более тем людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни». «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, — продолжал Толстой, — как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. — Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело, а не так, как одержимый хандрю и диспепсией Тургенев)» (60; 324–325). Любопытен ответ Фета в письме от 28 февраля: «Много хорошего, хотя причудливо-капризно-носовздержнутого сказали Вы о “Накануне”». ²³

Сложность отношений с Тургеневым отразили и другие толстовские суждения о его прозе, прежде всего романной. Показательна его оценка «Рудина», известная в поздней записи (1894) В. Ф. Лазурского: «... Тургенев произвел на меня сильное впечатление “Записками охотника”. Потом я слушал “Рудина”; <...> я был удивлен, как это — Тургенев, и мог написать такую фальшивую, придуманную вещь». ²⁴ Характерно и его позднее высказывание, зафиксированное П. А. Сергеенко: «Тургенев как романист мне никогда особенно не нравился, даже и во дни моей молодости. Иногда я даже удивлялся, как мог такой многосторонне образованный и талантливый человек, как Тургенев, писать такие незначительные вещи, как некоторые его повести». ²⁵

Крайне сдержанно Толстой отозвался об «Отцах и детях» — в письме к П. А. Плетневу от 1 мая 1862 года: «Тургеневский роман меня очень занимал и понравился мне гораздо меньше, чем я ожидал. Главный упрек, который я ему делаю — он холоден, холоден, что не годится для тургеневского дарования. Всё умно, всё тонко, всё художественно, <...> но нет ни одной страницы, которая бы брала за душу» (60; 423). Сохранился и еще один поздний отзыв об «Отцах и детях» в записи Д. П. Маковицкого: «...там любовь Базарова к женщине излишня. Писано по шаблону, что в каждом романе должна быть любовь».²⁶ Кратким и незаинтересованным, характерным с точки зрения толстовских критериев оценки текста, был и его отзыв о «Дыме» в письме к Фету от 28 июня 1867 года: «В “Дыме” нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна. <...> Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность которого не люблю...» (61; 172). Любопытно, что из всех романов Тургенева Толстой выделял «Новь», считая, вопреки общему мнению, что это «лучшая вещь Тургенева, лучше “Рудина” и других его романов; что она отличается цельностью, верно рисует время и верно изображает типы».²⁷

Не только тургеневские романы, но и произведения малой формы далеко не всегда вызывали одобрение Толстого. Прочитав «Дневник лишнего человека», он отметил в Дневнике 17 мая 1856 года: «Ужасно приторно, кокетливо, умно и игриво» (47; 73). «Асю» он оценил как «самую слабую вещь» из всего написанного Тургеневым (60; 252). После одобрения «Первой любви» литературным «ареопагом» (Островский, Писемский, Анненков, Дружинин, Майков) Тургенев писал Фету

13–16 (25–28) марта 1860 года: «Единственный человек, которого я совершенно отчаиваюсь удовлетворить когда-нибудь — Лёв Толстой». Узнав от Фета о положительном отзыве, Тургенев признался ему в письме от 1 (13) июня: «Мне приятно, что “Первая любовь” нравится Толстым: это ручательство» (*ПССиП(2), Письма 4*; 173, 201).²⁸ И напротив, сюжет «Вешних вод» Толстому казался «выдуманнным»: «...все выдуманное, хотя хорошо выдуманное».²⁹ Резко отрицательным был и первый отзыв Толстого о тургеневском «Довольно», он писал Фету 7 октября 1865 года: «“Довольно” мне не понравилось. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненного страдания» (61; 109). В поздние годы лирическая исповедь «Довольно», созвучная его собственным мыслям, станет одним из любимых тургеневских произведений Толстого.

Как развивались события после запрета Тургеневской речи?

С. А. Толстая сообщала Т. А. Кузминской 29 октября 1883 года: «...Левочка для речи ничего не написал, хотел только говорить, вероятно, накануне набросал бы, но так как запретили, то так и не написалось и не сказалось. О Каткове он упомянул бы, но в смысле, что не все мыслящие и пишущие люди свободны от подслуживания властям и правительству, а что Тургенев был вполне свободный и независимый человек и служил только делу (cause), а дело его была литература; мысль свободная и слово свободное, откуда бы оно ни шло...».³⁰ Это письмо проясняет ряд конкретных деталей ненаписанной толстовской речи, и упоминание М. Н. Каткова здесь представляет несомненный интерес, как и сама достаточно широкая и, признаться, малоисследованная тема отношений с издателем «Мо-

сковского вестника» и «Московских ведомостей» как Тургенева, так и Толстого.

Осенью 1883 года Толстой не оставляет намерения написать о Тургеневе уже не речь, но большую, итоговую статью. «Написал, — сообщает ему Страхов 28 ноября, — несколько страниц об Тургеневе (для *Руси*), но неужели Вы ничего не напишете? Ведь во всем, что писано, такая фальшь, холод! А я с ним помирился — хоть и не имею права так говорить: не знал его почти вовсе».³¹ Толстой отвечает 30 ноября—1 декабря, размышляя и о Тургеневе, и о только что изданной Страховым «Биографии» Достоевского:³² «Бывают лошади — красавицы: рысак цена 1000 рублей, и вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу цена — грош. Чем я больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И забавно, за то, что он был без заминки и свезет, а то рысак, да никуда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву». И если Достоевский, по Толстому, — рысак «с заминкой», то «Тургенев и переживет Достоевского, и не за художественность, а за то, что без заминки» (63; 142). Страхов в следующем письме, от 12 декабря, убеждал Толстого: «Если так, то напишите же, бесценный Лев Николаевич, о Тургеневе. Как я жажду прочесть что-нибудь с такою глубокою подкладкою, как Ваша!»³³

Наконец, главные положения несостоявшихся речи и статьи о Тургеневе Толстой изложил в известном письме от 10 января 1884 года к А. Н. Пыпину, работавшему в это время над историей русской литературы 1840–1850-х годов и обратившемуся к нему с просьбой о присылке писем Тургенева. «Я ничего не пишу о Тургеневе, — признавался Толстой, — потому что слишком много и все в одной связи имею сказать о нем.

Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его как следует <...> Не могу, однако, удержаться не сказать то, что я думаю о нем. Главное в нем это его *правдивость*» (63; 149). И далее: «Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда *то самое, то*, что он думает и чувствует <...> воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашел — все, что нашел. Он не употреблял свой талант (уменьше хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться».

«По-моему, — продолжал Толстой, — в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь — искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно и прелестно в “Довольно”, и 3) не формулированная, двигавшая им и в жизни и в писаниях вера в добро — любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в Дон Кихоте, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра» (63; 149–150).

Главное в поздних высказываниях Толстого — признание правдивости, искренности Тургенева, его способности душу «выворотить наружу», мысль, звучащая как своего рода самоопровержение, как отрицание прежних, широко известных обвинений Тургенева в склонности к «фразе», в искусственности, холодности, зафиксированных и в дневниках Толстого, и в его письмах, и в многочисленных записях современников.

Лнненков, например, вспоминал, что даже в физиологических особенностях Тургенева Толстой находил «наклонность к эффекту», утверждая, что «он имеет фразистые ляжки». ³⁴ В одном из писем 1859-го года Тургенев с горечью признавался: «...думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы» (*ПССиП(2), Письма 4; 36*). Не менее важно и признание Толстым свободы и независимости Тургенева-художника. Это убеждение, можно предположить, высказывалось им в полемике со Страховым, в своих статьях о Тургеневе настаивавшем на его несамостоятельности, зависимости и от западной системы ценностей, и от вкусов и мнений образованной «толпы». ³⁵

Как в своих поздних суждениях и оценках и осуществленных и неосуществленных творческих замыслах, так и в пометах в текстах при чтении «всего Тургенева» в 1883 году, Толстой обращался к тем его произведениям 1850–1860-х годов, которые выделил сразу, при первом чтении. Он любил тургеневское «Затишье», прочитав его впервые в журнальной публикации ³⁶ и позднее выделив (наряду с «Андреем Колосовым» и «Двумя приятелями») при чтении в 1856 году «Повестей и рассказов» Тургенева (60; 104). В «Воскресении» в первый свой приезд к тетушкам Нехлюдов дает читать Катюше повести Тургенева, и «больше всего ей нравилось “Затишье”...» (32; 46). Любопытно, что в ранних редакциях романа упоминалось также «Преступление и наказание», в окончательном тексте осталось только «Затишье». Еще во время работы над 1-й законченной редакцией в 1895 году в Записной книжке Толстой сделал запись: «Она читает Тургенева» (53; 252), то есть образ главной героини был задуман и создавался как ориентированный на тургеневских героинь, созвучный им, воспитанный чтением Тургенева. ³⁷ Особое место

среди пристрастий Толстого занимает тургеневский «Фауст». О чтении повести Толстой оставил запись в Дневнике 28 октября 1856 года: «Прелестно» (47; 96), и, по свидетельству Е. Я. Колбасина, отзывался о нем «с восторгом», считая, что Тургенев «ничего лучше этого не написал».³⁸ Сюжет повести, как известно, связан с увлечением Тургенева М. Н. Толстой, она считается прототипом главной героини «Фауста» Веры Ельцовой.

В письме Толстого к А. Н. Пыпину названы только два тургеневских текста — статья «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) и лирико-философский отрывок, или исповедь (жанр неотчетлив), «Довольно» (1865). Показательно в данном случае его внимание к произведениям вненовеллистическим, созданным в свободной, «парадоксальной», по его определению, форме. Во время работы над главными религиозными трактатами для Толстого была актуальна проблема поиска той свободной повествовательной формы, которая сочетала элементы проповеди — как в «Гамлете и Дон-Кихоте», и элементы исповеди — как в «Довольно». Очевидно, что тургеневское «Довольно» близко толстовской «Исповеди», автобиографический герой которой переживает ситуацию богооставленности, в тургеневской же «исповеди» передано ощущение «космического сиротства».³⁹ В 1883 году «Исповедь» Толстого уже завершена, начата работа над «Исследованием догматического богословия», «Соединением и переводом четырех Евангелий», трактатом «В чем моя вера?» (в 1883 году работа над трактатом идет в полную силу). К слову, запрещенную цензурой «Исповедь» Толстой в октябре 1882 года успел отправить Тургеневу в Буживаль, а тот успел ее прочитать, признавшись, по воспоминаниям А. Г. Олсуфьевой, что «читал и внутренне бесился. Толстой, который у нас в России такой художник, такой тонкий психолог, который умеет

так в души влезать, и писать такую чепуху...». ⁴⁰ Толстому свое мнение об «Исповеди» Тургенев, «чтобы не впасть в спорный тон», высказать не решился, а Д. В. Григоровичу писал 31 октября (12 ноября) 1882 года, что прочел ее «с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения. Но построена она вся на неверных посылаках — и в конце концов приводят к самому мрачному отрицанию всякой живой, человеческой жизни... Это тоже своего рода нигилизм... <...> И все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!». ⁴¹

Мысль о написании статьи — уже не обо всем творчестве Тургенева, но о двух его важнейших, на взгляд Толстого, произведениях не оставляет его и спустя десятилетие. Он записывает в Дневнике 7 октября 1892 года: «Тургеневское “Довольно” и “Гамлет и Дон-Кихот” — это отрицание жизни мирской и утверждение жизни христианской. Хорошую можно составить статью» (52, 74). И те же два тургеневских текста Толстой выделяет в 1894 году в беседах с Лазурским, который отмечает 23 июня: «Выше всех он ставит “Довольно” и статью “Гамлет и Дон-Кихот”. Говорил, что писал статью о Тургеневе, где рассматривал эти два произведения в связи одно с другим (настроение разочарования и потом указание пути спастись от сознания пустоты). Хотел читать на тургеневском празднике, но ему “запретили”». Важна и еще одна запись Лазурского, от 5 августа 1894 года: «Я всегда говорю: чтобы понять Тургенева, нужно читать последовательно: “Фауст”, “Довольно” и “Гамлет и Дон-Кихот”. Тут видно, как сомнение сменяется у него мыслью о том, где истина». ⁴²

Тургеневское «Довольно», что не раз отмечалось, — один из наиболее литературно насыщенных текстов, он буквально соткан из цитат и аллюзий, от антич-

ной литературы и философии до Шиллера, Гете, Шекспира, Паскаля, Шопенгауэра. Шекспировский текст чрезвычайно плотен в «Довольно», оно и завершается цитатой из «Гамлета». Шекспировская проблематика, а внутри нее гамлетовская, актуальная для Тургенева на всем протяжении творчества, Толстому была очевидно чуждой. Выделяя и сближая две сверхлитературные по своей семантической природе и, кроме того, «шекспировские» вещи Тургенева, Толстой, несомненно, сознавал их специфическую органичность для тургеневского творчества. И возможно, именно эта откровенно нетолстовская художественная природа двух тургеневских текстов стала одной из причин того, что статья, им посвященная, написана не была. Кроме того, литературно-критическая аналитика, надо это признать, — не вполне толстовский жанр, метафоры и аллегории, как «рысак без заминки», не легко переводятся в дискурсивные формы. Во многих своих суждениях и оценках Толстой остался «причудливо-капризным», по приведенному выше определению Фета.

В целом же весь комплекс толстовских мыслей, переживаний, творческих планов, связанных с осмыслением смерти Тургенева и его роли в истории русской литературы, представляет материал выдающейся исторической и человеческой ценности.

¹ См. об этом: *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 207–213; *Громов В. А.* К истории запрещения речи Л. Н. Толстого об И. С. Тургеневе // Яснополянский сборник. 1988. Тула, 1988. С. 43–53; *Кулаева А. М.* Несостоявшееся заседание // Тургениана: сб. статей и материалов. Вып. II–III: Иван Тургенев и Общество любителей российской словесности. Орел, 2009. С. 231–235.

² *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. С. 209.

¹ Там же. С. 210; ср.: *Громов В. А.* К истории запрещения речи А. Н. Толстого об И. С. Тургеневе. С. 47.

⁴ *Николюшкин Б.* А. Н. Толстой и департамент полиции // *Былое*. 1918. № 3. С. 207.

⁵ *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. С. 211–212.

⁶ Толстой и Тургенев (Из воспоминаний С. А. Толстой) // *Русское слово*. 1913. № 193; 22 авг. (подпись: Б. П.). В дневнике С. А. Толстой имеется запись от 13 августа 1913 года об этой беседе: «Был корреспондент “Русского слова” Борис Петр. Брио, просил сведения о Тургеневе» (*Толстая С. А.* Дневники. М., 1978. Т. 2. С. 395; примеч.: С. 573). О запрете вспоминал и сам Толстой: «Когда Тургенев умер, я хотел прочесть о нем лекцию. Мне хотелось, особенно ввиду бывших между нами недоразумений, вспомнить и рассказать все то хорошее, чего в нем было так много и что я любил в нем. Лекция эта не состоялась. Ее не разрешил Долгоруков» (*Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 62).

⁷ *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1956. Т. 78. С. 105. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием тома и страницы.

⁸ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: в 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 395 (письмо от 26 дек. 1861 г.). Далее ссылки на письма Тургенева (до 1879 года) даются по этому изданию в тексте сокращенно: *ПССИП(2)*, *Письма*, с указанием тома и страницы.

⁹ *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 463.

¹⁰ *Русанов Г. А., Русанов А. Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883–1901 гг. Воронеж, 1972. С. 28, 32.

¹¹ А. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. Оттава; М., 2003. Т. 2. С. 650.

¹² *Толстой И. А.* Мои воспоминания. М., 1969. С. 155–156. Ср. свидетельство Сергея Львовича (*Толстой С. А.* Очерки былого. 2-е изд. М., 1956. С. 318).

¹³ *Архангельская Т. Н.* А. Н. Толстой за чтением сочинений И. С. Тургенева в издании 1880 г. (По материалам библиотеки А. Н. Толстого в Ясной Поляне) // *Спасский вестник*. 2003. № 10. С. 119–132.

¹⁴ См.: *Неведомский Мих.* Два начала. (Об А. Толстом и Тургеневе) // *Неведомский Мих.* Зачинатели и продолжатели. Пг., 1919. С. 50–94; *Португалов М.* Тургенев и Лев Толстой (Литературно-психологическая параллель) // *Португалов М.* Тургениана. Статьи и библиография. Орел, 1922. С. 29–81; *Апостолов Н. Н.* (*Арденс Н. Н.*) Лев Толстой и его спутники. М., 1928. С. 91–130; *Курляндская Г. Б.* 1) Тургенев и Толстой: Учеб. пособие. Курск, 1976; 2) И. С. Тургенев и русская литература. М., 1980; *Лоцинин Н. П.* А. Н. Толстой и И. С. Тургенев: К вопросу о творческих и личных отношениях. Тула, 1982; *Пузин Н. П., Архангельская Т. Н.* Вокруг Толстого. 2-е изд. Тула, 1988. С. 42–78; *Громова-Опульская Л. Д.* Тургенев и Лев Толстой (История дружбы и полемики) // И. С. Тургенев и современность. М., 1997. С. 11–19; и др.

- ¹⁵ Цитирую Г. Я. Галаган, отметившую, что Толстой «последователен даже в своей непоследовательности» (*Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой // История русской литературы: в 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 797*).
- ¹⁶ *Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166.*
- ¹⁷ *Чичерин А. В. Идси и стиль: О природе поэтического слова. 2-е изд. М., 1968. С. 229.*
- ¹⁸ *Толстой С. А. Очерки былого. С. 302.*
- ¹⁹ *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Л., 1968. Т. 13. Кн. 2. С. 180.*
- ²⁰ Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 256. Тургенев откликнулся на письмо Толстого от 1–5 мая, в котором звучала глубокая тревога о его здоровье: «Известия о вашей болезни, о которой мне рассказывал Григорович и про которую потом стали писать, ужасно огорчили меня, когда я поверил, что это серьезная болезнь. Я почувствовал, как я вас люблю. Я почувствовал, что, если вы умрете прежде меня, мне будет очень больно. <...> В первую минуту, когда я поверил — надеюсь напрасно — что вы опасно больны, мне даже пришло в голову ехать в Париж, чтобы повидаться с вами. Напишите или велите написать мне определенно и подробно о вашей болезни. Я буду очень благодарен. Хочется знать верно. / Обнимаю вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг. / Ваш Толстой» (63; 95–96).
- ²¹ *Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. С. 781.*
- ²² *Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. С. 244–246. Ср. свидетельство С. А. Толстого: «Равнодушие Тургенева к вопросам религии и нравственности были не по нутру моему отцу. Ему нужны были жизненные радикальные ответы на мучившие его вопросы. <...> Тургенев требовал от Льва Николаевича, чтобы он был чуть ли не исключительно литератором, и пренебрежительно относился ко всяким другим его занятиям хозяйством, училищами и в особенности философией» (*Толстой С. А. Очерки былого. С. 300–301*).*
- ²³ *Толстой А. Н. Переписка с русскими писателями. 2-е изд., доп. М., 1978. Т. 1. С. 341.*
- ²⁴ *Лазурский В. Ф. Дневник // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 54.*
- ²⁵ *Сергеевко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Кн. 2. С. 149.*
- ²⁶ *Лит. наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 526.*
- ²⁷ *Лазурский В. Ф. Дневник. С. 68.*
- ²⁸ Речь идет о братьях Льве и Николае Толстых.
- ²⁹ *Лазурский В. Ф. Дневник. С. 54.*
- ³⁰ *Толстой И. А. Мои воспоминания. С. 421.*
- ³¹ *Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 653.*
- ³² Речь идет об издании: *Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.*

- ³³ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 660.
- ³⁴ Анненков Л. В. Литературные воспоминания. С. 390–391.
- ³⁵ См., например: *Страхов Н. Н.* Поминки по Тургеневе // Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом (1862–1885). СПб., 1885. С. 167–182.
- ³⁶ См. об этом мемуарную запись С. И. Танеева: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: в 18 т. М., 1980. Т. 4. С. 636–637.
- ³⁷ См.: *Гродецкая А. Г.* Тургеневское «Затишье» в толстовском «Воскресении» (ситуация чтения в структуре текста) // *И. С. Тургенев: Новые исслед. и материалы.* М.; СПб., 2012. Вып. 3. С. 204–213.
- ³⁸ Тургенев и круг «Современника»: неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930. С. 298.
- ³⁹ *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975. С. 149.
- ⁴⁰ *Олсуфьев М. В.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Исторический вестник.* 1911. № 3. С. 861.
- ⁴¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 13. Кн. 2. С. 89.
- ⁴² *Лазурский В. Ф.* Дневник. С. 54, 77.

Б. Ф. Егоров

Сходство и отличие Гёте и Тургенева *(характеры и поведение)*

Тема «Гёте и Тургенев» не нова, ей посвящен ряд статей и даже целая книга.¹ Во многих работах о Тургеневе гётевская тема также нередко присутствует.² В то же время главным образом рассматривались мировоззренческие и художественные аспекты — обобщенно это можно сформулировать как «Гёте в жизни и творчестве Тургенева». Личности же великих писателей, в их сходстве и отличиях, практически не изучались.

Натуры обоих довольно наглядно демонстрируют общие мировоззренческие черты, многие из которых вообще показательны для либеральных деятелей культуры разных стран и времен: свободолюбие, доброта

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX веков /
ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА
В РОССИИ В 1917–1927 годы**

ПАМЯТИ
АНАТОЛИЯ ИВАНОВИЧА БАТЮТО

1920–2020

Сборник статей и материалов

С.-Петербург
2020